

Ксения Ка

Билет домой

18+

Ксения Ка
Билет домой

«Автор»

2026

Ка К.

Билет домой / К. Ка — «Автор», 2026

Мрачная и таинственная история о поездке на Байкал, которая перевернула с ног на голову жизни нескольких молодых людей.

© Ка К., 2026
© Автор, 2026

Ксения Ка

Билет домой

Глава 1

Ближайшие несколько дней мы с Ри планировали провести в Листвянке — небольшой деревне на самом берегу Байкала, выживающей исключительно за счёт толп российских и китайских туристов. Здесь у знакомых Марины был гостевой дом, и они любезно согласились поселить нас в одной из свободных комнат. Мы не стали сразу вводить их в курс дела и рассказывать о случившемся, просто придумали банальную причину для прикрытия: московская подруга приехала на Байкал, чтобы отдохнуть от городской суеты и насладиться красотой природы.

Листвянка для меня оказалась местом радикальных контрастов. На первой береговой линии — сплошь новенькие гостевые дома, кафе, сувенирные лавки, развалы с копчёной рыбой, а стоило чуть отойти от берега вглубь деревни, тебя встречали скромные покосившиеся дома с небольшими участками и огородом, старые пересохшие колодцы и объявления вроде «воды нет, набирать из колонки на улице Островского».

«Люди живут на берегу огромного пресноводного водоёма, а воды нет. Парадокс!» — подобные разговоры я вела сама с собой, прогуливаясь ранним туманным утром по пустым деревенским улочкам.

Марина проснулась ближе к 11 и была в совершенно разбитом состоянии, это сразу было заметно по отсутствующему взгляду и слегка заторможенным движениям. Ри сидела на краю кровати и смотрела в пол.

— Завтракать будешь? — вопрос мой прозвучал вкрадчиво и заботливо, будто родитель вошёл в залитую утренним светом детскую, чтобы разбудить к завтраку ребёнка, ещё не вполне проснувшегося от ночного сна.

— Только кофе. А сигареты остались?

Ри даже не подняла на меня глаза. Только вчера мы вернулись с Ольхона, всё произошедшее там казалось нереальным. Я не до конца осознавала серьёзность ситуации, наивно тешила себя иллюзией, что вот буквально завтра всё станет как прежде. Но, разумеется, как прежде уже не стало. Я думала, что прекрасно понимаю чувства Марины в тот момент, хотя она ничего не говорила.

— У меня в рюкзаке точно есть ещё пачка Винстона, подойдёт?

— Угу.

Ри без особого энтузиазма встала с кровати, вытащила из моего рюкзака пачку сигарет и вышла из комнаты, слегка хлопнув дверью. Пару минут я стояла у окна и смотрела, как хозяйский сторожевой пёс лает на прыгающих по лужайке трясогузок. Не уверена, что щенок маламута идеально подходит на роль охранника и защитника, но, когда он подрастёт и окреп-

нет, один его басовитый лай сможет спугнуть соседскую шпану, без спроса перелезшую через забор, чтобы поживиться яблоками или грушами.

За кофе нужно было спуститься по скрипучей узкой лестнице на первый этаж дома и постучать в дверь, ведущую на кухню. Там работала приветливая немолодая женщина по имени Татьяна. У неё были длинные седые волосы, толстая у основания и тонкая, почти прозрачная, у кончика коса, перевязанная красной ленточкой, доходила до самого пояса.

— Доброго утречка! А где же соседка твоя? Что будете кушать? — голос Татьяны был мягким, обволакивающим, будто она не случайная незнакомка, а моя родная бабушка, которая жарит блинчики на своей уютной дачной кухне.

— Доброе утро! Соседка вышла покурить на крыльцо. Я сегодня за добытчика пропитания.

Татьяна негромко рассмеялась, цокнула языком и покачала головой.

— Зря это она.

— Что, простите?

— Подруга твоя зря курит эту отраву. Молодая же совсем, ей ещё детей рожать.

— А, ну да. Ошибки молодости, — мне не хотелось огорчать Татьяну вестью о том, что я тоже курю, поэтому я деликатно умолчала. — Мне, пожалуйста, омлет с сыром и булочку с корицей. И два кофе — один чёрный с сахаром, один просто с молоком.

— Из еды точно всё? А то скоро полдень уже, завтрак закончился, а до обеда ещё далеко.

— Точно всё, мы пообедаем где-нибудь, спасибо!

Татьяна кивнула, налила две кружки кофе и сразу отдала их мне вместе с ароматной булочкой, завернутой в белую салфетку. Я взяла свою кружку и взглянула на своё отражение в блестящей глади тёмно-коричневой жидкости и сразу сделала несколько больших глотков. Кофе был обжигающим и приторно горьким, давно я не испытывала таких противоречивых вкусовых ощущений. Булочка в свою очередь была почти идеальной — не слишком сладкой, с ярким ароматом корицы и сливочного масла.

— Пожалуйста, приятного аппетита! — жизнерадостно объявила Татьяна, поставив передо мной тарелку с омлетом. Сбоку на тарелке лежали несколько кружочков огурца и три дольки помидора, а сверху на омлете красовалась веточка укропа.

— Спасибо большое, выглядит превосходно! — в моём восторге не было притворства, такая подача возвращала меня в далёкое детство, а это было так приятно.

Стоило мне обернуться чтобы направиться к столику, я краем глаза заметила хлопнувшую входную дверь. Марина вернулась с крыльца, выкурив, кажется, десяток сигарет. Она подошла к столику и молча села, устремив всё тот же неподвижный взгляд в чашку кофе.

— Тебя долго не было, сколько сигарет ты скурила, штук десять? Кстати, кофе ядрёный, не советую на пустой желудок пить его, хоть он и с молоком.

Ри посмотрела на меня впервые за утро, причём таким леденящим душу взглядом, что мне стало как-то не по себе. Лучше бы она так не смотрела, в голове сразу закружился вихрь тревожных мыслей.

— Ри, да что ты так переживаешь? Я уверена, это какое-то недоразумение. В ближайшее время мы всё выясним.

— Ты вообще ничего что ли не понимаешь? — в её голосе слышалось явное раздражение. — Думаю, нам надо прокатиться. Поедем на Майлгар, там и поговорим обо всём.

— Что за Майлгар? — перспектива ехать куда-то далеко, тем более пускать Ри в таком состоянии за руль, мне совсем не нравилась.

— Это гора в Прибайкальском национальном парке. Доедем туда на машине. Там и спуск к воде есть, прогуляемся. Проветрить голову всем будет полезно. Ну и ты же не зря в такую даль приехала, покажу тебе природные красоты.

— А сколько ехать?

— Часа два, если повезёт. Не бойся, я много раз туда ездила, тебе не о чем волноваться. А если и есть о чём, то точно не о сегодняшней поездке.

Её слова заставили меня задуматься. По сути, я мало что знала о Марине. Хорошо запомнилось только что она работала кондитером в небольшом кафе в Иркутске, но всегда мечтала стать экскурсоводом и проводить водные прогулки на катере своего погибшего отца. За несколько дней крайне трудно узнать человека по-настоящему, а она вдобавок была немногословна, и обсуждали мы в основном планы, а не своё прошлое или настоящее. Я начала перебирать в голове идеи, о чём мне стоило волноваться. Сразу всплыли истории о пропавших туристах, об однокласснике Кира, которого нашли мёртвым в лесу.

После завтрака мы вернулись в комнату за рюкзаками и направились к машине. Ехать два часа, а может и больше, по разбитой местной дороге нам предстояло на старенькой ржавой Ниве. Выглядела она печально, даже жалко: белый когда-то кузов был вокруг усыпанный вмятинами и сколами, ржавчина местами проела металл насквозь. Машина принадлежала брату Марины, на ней она приехала в Листвянку из Иркутска и в принципе часто одалживала её для поездок. Молча сев в машину, я первым делом пристегнулась, как будто пристёгнутый ремень мог спасти мне жизнь при аварии в машине, не оборудованной подушками безопасности. Путь до горы Майлгар показался вечностью. Автомобиль был сильно уставшим, движение сопровождалось нескончаемым грохотом, скрипом, стуком. Постепенно я адаптировалась к этой какофонии и перестала её замечать. Хриплое звучание музыки по радио совсем не скрашивало нашу поездку, но выбора не было. Марина не проронила ни слова. Не выдержав, я решила хоть немного разрядить обстановку.

— Слушай, а нет какого-нибудь диска с музыкой? Или что тут — кассеты, флешки?

— Глянь в бардачке, — Ри кивнула в сторону крохотной дверцы, испачканной какой-то краской, и закурила очередную сигарету.

Дверца бардачка скрипнула и распахнулась. Под стопкой помятых бумажек и старым дорожным атласом я нашла несколько CD-дисков. Они были подписаны синим маркером. Почерк был ужасным, мне удалось разобрать только слово "сборник", остальные слова остались загадкой.

— Ну вот, другое дело, давай попробуем этот! — я резво сунула первый попавшийся диск в магнитола. Что-то зажужжало, щёлкнуло и из колонок послышался голос Виктора Цоя. Теперь можно было хоть чем-то насладиться помимо проплывавших за окном пейзажей. У подножья горы толпились люди. Несколько человек в оранжевых жилетках держали пачки листовок в руках. Остальные стояли возле них, разделившись на несколько групп. Я сразу поняла, что это волонтерский поисковый отряд.

— Ри, это же Лиза Алерт! Интересно, кого они ищут?

— Они тут часто бывают, — Ри ответила так, будто люди пропадают здесь регулярно, ни единой ноты удивления или тревоги в голосе.

Марина припарковала машину на обочине, мы вышли и неспешным шагом направились к туристической тропе, ведущей на вершину. По пути я заглянула в листовки, которые раздавали волонтеры: "Пропадал человек. Нелюбова Ирина, 23 года". В листовке была кратко записана вся информация, которая могла бы помочь опознать пропавшую. Я постаралась отложить эти факты у себя в голове: рост, цвет ветровки, длину волос.

— Держи, я на всякий случай взяла одну, — я протянула Марине небольшой листок бумаги с фотографией светловолосой девушки. Ри ничего не ответила, даже не взглянула в мою сторону.

Зачем она вообще привезла меня в горы? Может, хочет сбросить с вершины? А потом десятки совершенно незнакомых мне людей найдут моё остывшее тело, если его не съест медведь или стая волков.

Весь путь до вершины мы шли молча. Пешеходный маршрут по тропе занимал несколько часов, но об этом я узнала уже на месте и то, не от Марины, а из описания на стенде с информацией. Я интроверт по своей природе и не люблю пустой болтовни, но эта тишина слишком затянулась и больше походила на затишье перед бурей.

Когда мы наконец дошли до смотровой площадки на вершине горы, Ри сразу села на лавочку подальше от края и закрыла лицо ладонями. Мне не хотелось первой начинать разговор, не хотелось в тот момент подходить и начинать утешать её. Я подошла к самому краю и посмотрела вниз. Вид открывался просто великолепный: умиротворяюще зелёная долина реки Голоустной, уютные деревенские домики, кажущиеся крохотными, будто игрушечными. А вдали простирались бескрайние воды Байкала, такого величественного и холодного.

— Да, с таким видом можно и умереть, — я произнесла это вслух, но вполголоса, так чтобы Ри меня не услышала.

Вся суматоха в моей голове затихла, замерла. Я вся будто замерла и любовалась красотой местной природы. Сама того не осознавая, я стала шёпотом бормотать себе под нос одно из любимых стихотворений Даниила Хармса:

«И вот однажды на заре

Вошел он в темный лес.

И с той поры,

И с той поры,

И с той поры исчез.»

— Что ты сказала? — Марина всё это время стояла сзади буквально в трёх метрах от меня, но я её не заметила.

— Это Хармс, — безразлично ответила я, почему-то предполагая, что любому известно, о ком я говорю.

— Что?

— Не что, а кто. Это поэт и писатель Даниил Хармс. Киру очень нравились его стихи, он мне впервые прочитал "Математик и Андрей Семёнович". С тех пор у нас появилась даже традиция что ли — в некоторые подходящие моменты цитировать Хармса. Было забавно.

— Никогда не слышала. А что там дальше в этом стихе?

Я молча посмотрела на Ри. В её бездонных изумрудных глазах стояли слёзы. Слёз было столько, что они вот-вот готовы были выйти из берегов, но какая-то сила их сдерживала. Я глубоко вздохнула и продолжила читать стихотворение:

«Но если как-нибудь его

Случится встретить вам,

Тогда скорей,

Тогда скорей,

Скорей скажите нам».

Вдруг плотину, сдерживавшую слёзы, прорвало, и они ливнем хлынули из глаз Марины. Я совсем не ожидала этого и совершенно не знала, что делать. Она выглядела растерянной и бесконечно уязвимой в этот момент. Её руки дрожали, пальцы совсем не слушались — совладать с зажигалкой и прикурить сигарету удалось только с

четвёртого раза. Вся уверенность Марины, её неукротимая напористость и бесстрашие исчезло. Я видела перед собой маленькую девочку, заблудившуюся в тёмном лесу, где стволы

сухих деревьев скрипят от малейшего дуновения ветра, и со всех сторон смотрят голодные хищные глаза.

— Представь, я ведь боялась воды. Боялась с тех пор, как отец пропал на своей лодке тринадцать лет назад. После недавних событий этот страх сильно обострился, я буквально не нахожу себе места рядом с Байкалом. В детстве меня из-за этой фобии отвели к психологу. Я долго ходила к нему, но лучше не становилось, я была в шоковом состоянии и почти ничего не говорила. Тогда меня направили к психиатру. Мне назначили какие-то препараты, но я не хотела их пить, я не доверяла врачам. Я была ребёнком, понимаешь? Мне было очень страшно и одиноко.

От резкого перехода Ри к таким откровениям я удивилась ещё больше. Похоже, ей нужно было выговориться, поэтому я понимающе кивала и слушала молча.

— Моя мама в тот период едва ли могла контролировать собственную жизнь. Она была в тяжёлой депрессии, но не хотела этого признавать, не обратилась за помощью. Очевидно, ей не под силу было заботиться обо мне. Не придумав ничего лучше, она отправила меня на всё лето к бабушке сюда, в Большое Голоустное. А в деревнях знаешь народ какой. Бабки-ведуньи, знахарки, шаманы. Бабушка отвела меня к одной такой знахарке. Дом её был похож на избу Бабы-Яги, повсюду развешены сушёные травы, коренья, сквозь стеклянную дверцу буфета можно было разглядеть множество склянок и пузырьков с жидкостью разного цвета: от белого мутного похожего на разведённый в воде крахмал до болотно-коричневого. Казалось, в окна этого дома не проникал солнечный свет, атмосфера царила зловещая. Я совсем не хотела там оставаться, чуть не плакала и просила бабушку увести меня поскорее домой, но бабушка уверяла, что только Аида может помочь с моей бедой.

История Ри пока больше напоминала мне сюжет мистического фильма. Я отчётливо представила себе дом той знахарки, который в глазах до дрожи напуганной десятилетней девочки выглядел как дом злой ведьмы из страшной сказки Братьев Гримм. Мне было любопытно, к чему приведёт этот витиеватый рассказ. Я человек прагматичный и умеющий критически мыслить, агностик, поэтому не верила в мистику и потусторонние силы, но послушать историю всегда была готова.

— Аида? Серьёзно? Интересно, это её настоящее имя или знахарский псевдоним? — от неуместного сарказма мне порой было не удержаться.

— Это реальное имя. Бабку эту всё село боялось, дом её стороной обходили, говорили, что она самая сильная знахарка, любой недуг может вылечить. Она пообещала, что поможет с моей фобией, и что болтать я буду снова без умолку как раньше. Но и испортить жизнь она тоже могла, помимо исцеления больных, к ней обращались с разными нехорошими просьбами. Не знаю, зачем она бралась за это, вроде знахарки на светлой стороне и не связываются с подобными запросами. Однажды к ней пришла женщина вся в синяках, её муж постоянно пил и сильно избивал её и их семилетнюю дочку. Женщина буквально умоляла сделать так, чтобы он перестал пить и никогда больше не поднимал руку ни на неё, ни на дочь. Никто не хотел браться помогать ей, а Аида взялась. Только перестаралась, и муж той женщины пить бросил навсегда, потому что умер. С тех пор, все пьющие мужики в деревне стали избегать встречи с Аидой. И жён своих не пускали.

— Погоди, раз она такая всеильная, вы не думали маму твою к ней свозить? Она ж и алкоголизм, и депрессию – всё разом вылечила бы.

— Нельзя помочь тому, кто не хочет, чтобы ему помогали. Моя мать не хотела. Если против воли человека обряд совершать, может случиться как с тем мужиком — умрёт человек и всё. Меня бабушка долго уговаривала, слёзно просила, говорила — это мой шанс на счастливую жизнь. Минут сорок Аида жгла какую-то траву, шептала, водила руками, а я сидела напротив неё через стол и вдруг как-то прониклась. Мне стал интересен этот обряд или ритуал, не знаю, как назвать. Страх как рукой сняло, незнакомая мне до этого дня бабка оказалась единственным взрослым, которому я стала доверять. Потом она задула свечу и сказала: «Всё, идите. Ночь поспит твоя девочка и будет как прежде.» Мы ушли домой. Всю дорогу шли молча, а наутро я проснулась и не чувствовала ни тревоги, ни страха. Боязнь воды вернулась ко мне впервые за тринадцать лет два дня назад, когда с нами случилось всё это на Ольхоне. И, откровенно говоря, с тех пор как знахарка меня заговорила, я стала верить в её силу. Меня тянуло к её дому, я возвращалась туда снова и снова. Иногда даже просто поговорить, Аида всегда меня понимала. Несколько раз обращалась к ней с разными запросами, и обряды её всегда срабатывали. Не может быть, что это всего лишь совпадения. Короче, это я виновата.

— В чём виновата?

— Во всём.

Я непонимающе посмотрела на неё. Слёз в глазах Марины больше не было, они превратились в два пересохших ручья, застывших мутными полосками соли на щеках. Ри смотрела куда-то в пустоту, хотя она стояла ко мне лицом, взгляд был расфокусирован и проходил сквозь меня. Пазл событий никак не складывался. Как все эти факты связаны между собой? К чему эта пугающая история из детства?

— Послушай, Дина, ты можешь мне не верить. Да, я не из Москвы, у меня есть проблемы с головой, но я не идиотка, я прекрасно слышу сарказм и издёвки в твоих словах. Я просто должна рассказать тебе это. В том, что случилось с Киrom, есть моя вина. Возможно, это вообще только я виновата во всём.